

УДК 001+929

О ГЕОРГИИ ГЕОРГИЕВИЧЕ ВИНБЕРГЕ

© 2006 Л.В. Полищук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Приводятся некоторые детали биографии и рассказывается о чертах характера одного из крупнейших отечественных гидробиологов – члене-корреспонденте АН СССР Г.Г. Винберге.

Георгий Георгиевич Винберг был крупным человеком. Выше среднего роста, широкий в кости, с крупными чертами лица. Само его физическое сложение, казалось, располагало к лидерству.

Он и был лидером советской гидробиологии. Думаю, что определение «советской» подходит в данном случае больше, чем «русской». И совсем не в силу его национального происхождения (отец – швед, мать – французка; в связи с вечно злободневным в России вопросом он как-то сказал мне: «Меня часто принимают за еврея, но я не еврей»), а потому, что он был лидером науки на пространстве от Ашхабада до Вильнюса, включая, конечно, Минск, которому он отдал 20 лет жизни. Можно еще уточнить, что он был лидером советской школы продукционной гидробиологии, а это еще не вся гидробиология. Но другой гидробиологической школы в Советском Союзе просто не было, по крайней мере во второй половине 70-х годов, когда я с ним познакомился. Более того, продукционная гидробиология во главе с Г.Г. Винбергом втягивала в свою орбиту сотни людей не только в Советском Союзе, но и в мире, причем, что кажется почти неправдоподобным, по обе стороны «железного занавеса» (особенно в связи с принятием и реализацией Международной Биологической Программы, МБП-ИВР).

Для меня, студента и аспиранта второй половины 70-х – начала 80-х годов, Г.Г. был человеком другого мира, мира ушедшей культуры, обломком утонувшей Атлантиды. Он

не был self-made man, какими были или постепенно становились мои университетские сверстники. Французский был языком его детства. Он читал по-немецки и по-английски. Мне трудно привести более конкретные примеры, таково было мое ощущение, которое возникало из разговоров с ним. Вот сейчас я припомнил, что он как-то прислал мне открытку, в которой благодарил за присланные отписки. Открытка была новогодняя, но

вместо стандартного советского поздравительного «вида» с Дедом Морозом, какими обменивались большинство окружавших меня людей, он прислал мне замечательный зимний пейзаж Поленова. Он был внутренне свободным человеком. Конечно, за свою долгую жизнь он сумел приспособиться к окружающей его действительности, иначе было просто не выжить. А он не только выжил, но и сохранил себя и сумел самореализоваться. Действительности же он платил насмешкой. Он был замечательно остроумным человеком, ирония его граничила с сарказмом. Мне говорили, что в молодости он был и вовсе остер на язык. Не берусь сравнивать, но могу заверить читателя, что во время нескольких наших бесед он не отказывал себе в удовольствии едко посмеяться над окружающими.

Как пример нестандартности его мышления мне хочется привести одно его высказывание. Выступая перед аудиторией в начале 80-х, Георгий Георгиевич как-то заметил: «У науки нет истории». Все, что было ценного в истории науки, в том или ином виде присутствует в ней и сегодня, а то, что не присутствует, не выдержало проверку временем и потому не представляет интереса. Эта мысль Георгия Георгиевича поразила меня своим радикализмом и интеллектуальной свободой, не частыми в то время, когда «Московский комсомолец» не сильно отличался от «Правды», главного советского официоза. Я думаю, это еще и наглядное свидетельство того, что Георгия Георгиевича, которого я, как и многие другие, воспринимал как своего рода патриарха, заботило не славное прошлое, а будущее науки, которую он возглавлял и представлял.

Георгий Георгиевича сильно занимала идея лидерства. Он говорил мне, и возвращался к этой мысли несколько раз, что науке нужен лидер. Эта идея кажется мне тоталитарной, хотя в то время, в начале 80-х, я был очень далек от этой формулировки. Однако я и тогда возражал на том основании, что наука – дело отдельных людей, их интеллекта, склонности к определенному подходу и виду творчества, их инициативы и предприимчи-

вости, наконец. Идея «большой школы», большой группы людей, работающих в рамках одного, довольно жестко очерченного научного подхода, представляется мне чуждой духу науки. Возможно, потому, что моим научным руководителем был А.М. Гиляров – человек, который ни в чем не сковывал инициативы своих студентов и аспирантов, а напротив, всегда поддерживал любые, в частности мои, начинания. Но Георгий Георгиевич полагал, что возможность создания больших научных коллективов, нацеленных на решение определенной задачи, например в рамках МБП, – одно из преимуществ советской науки по сравнению с западной. Зная интеллектуальную независимость Георгия Георгиевича, я думаю, что это было не столько следствием «советской ментальности» (крупные коллективы были действительно сильной стороной советской науки, но эффективными они становились при решении инженерных, а не научных задач; впрочем, это уже мое мнение), сколько личного опыта Г.Г. В начале 30-х годов группа сотрудников Косинской лимнологической станции, в которой самую активную роль играл Г.Г. Винберг, под руководством Л.Л. Россолимо, заложила основы балансового подхода, из которого впоследствии выросла продукционная гидробиология. Георгий Георгиевич неоднократно подчеркивал роль Л.Л. Россолимо как научного лидера в возникновении и становлении балансового подхода.

Я хочу закончить эти короткие заметки историей, которую рассказал мне мой голландский коллега и друг Коос Файферберг (Jacobus Vijverberg). Я заговорил с ним о Георгии Георгиевиче, и он поделился со мной своими впечатлениями от встречи с Г.Г. на симпозиуме по МБП в Польше в 1970 г. Георгий Георгиевич был одним из лидеров и идейных вдохновителей МБП, однако подходы, положенные в основу этой программы, стали подвергаться ожесточенной критике. Одни говорили, что нужна полноценная теория, а Винберг призывает только к бесконечным вычислениям. Другие, среди которых выделялся известный канадский гидробиолог Франк Риглер (Frank Rigler), критиковали Г.Г. с про-

тивоположных позиций: нужно считать, но для целей сравнительного подхода, сторонниками которого были и Винберг, и Риглер, недостаточно одних средних оценок, нужны ошибки, доверительные интервалы и прочие атрибуты статистического анализа. (Против чего, кстати говоря, Георгий Георгиевич никогда не возражал. Впрочем, чуть позже самого Риглера и его ученика Роба Питерса (Robert Peters) будут критиковать за то же самое – за чрезмерно «инженерный подход».) Атмосфера дискуссии была весьма накаленной. Георгий Георгиевич активного участия в дебатах не принимал, больше слушал, чем говорил. В конце концов его попросили высказаться. Г.Г. поднялся и стал говорить ... по-французски (вся предыдущая дискуссия велась по-английски; все же надо сказать, что тогда, по-видимому, англоязычие еще не признавалось такой всеобщей нормой, как сейчас). По словам Файферберга, это было поразительно. Я спросил его, что же показалось ему удивительным. Мне, по ходу рассказа Кооса, бросилась в глаза очевидная языковая

неадекватность Георгия Георгиевича, и я увидел в его рассказе еще одно, хотя и необычайно яркое, свидетельство изоляции, в которой находилась советская наука. Но Кооса поразило не это. «Знаешь, – сказал он мне, – когда я до этого читал или слышал о работах Винберга, я думал, что он скорее инженер, чем ученый. Нас в университете учили, что нужно изучать природу, а он, такое складывалось впечатление, в основном только считал и считал. Но теперь я понял, что он никакой не инженер, потому что технический специалист просто не может говорить на таком правильном и чистом французском языке. И второе. Многие русские говорили на плохом английском. Но никто из них не говорил на столь замечательном французском. Я впервые увидел настоящего русского интеллигента». Как ни странно, эта несколько наивная оценка, принадлежащая человеку другого, западного мира, может быть, лучше всего передает и мое отношение к Георгию Георгиевичу Винбергу.

ABOUT GEORGII GEORGIEVICH VINBERG

© 2006 L.V.Polischuk

M.B. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Some details of the biography are resulted and it is told about the character traits of one of the major domestic hydrobiologists – member-correspondent of the Academy of Sciences of the USSR G.G. Vinberg.